
РЕЦЕНЗИИ

М. А. МАСЛИН

РУССКАЯ КУЛЬТУРА И ПРИНЦИП НАРОДНОСТИ ИСКУССТВА

Кузнецова Т. В. Россия в мировом культурно-историческом контексте: парадигма народности.

М.: Московский общественный научный фонд, 1999.

Актуальность книги Т. В. Кузнецовой несомненна. Поставленная автором задача «обобщенного описания основных функций понятия народности и его смысловых инвариантов», или построения его «обобщенной функциональной модели», представляется весьма важной. Реализация этой задачи, по сути дела, выходит за рамки собственно эстетической теории. Тема имеет масштабное общефилософское значение, поскольку затрагивает вопросы историсофского, историко-философского, культурологического характера.

Проблематика книги рассматривается автором в контексте широкого цивилизационного подхода, предполагающего анализ вызревания идеи народности в европейской и русской культуре.

Источниковую базу книги составляет обширный круг произведений классиков европейской философско-эстетической мысли: немецких романтиков, Гегеля, Шеллинга и др.; русских мыслителей – В. Г. Белинского, А. С. Хомякова, П. Л. Лаврова, Н. Г. Чернышевского, Н. К. Михайловского, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и др. Следует отметить также введение в научный оборот не только «вербальных», но и «невербальных» источников, охватываю-

ших различные виды художественной практики, включая живопись, театр, кинематограф, музыку, фольклор в различных вариациях, самодетельное и «неофициальное» искусство.

Книга Т. В. Кузнецовой нацелена на философско-эстетическое осмысление, что названо «концептуально целостная история идеи народности». Методологически корректный и вместе с тем исторически достоверный подход, отличающий данную книгу (работу), позволил выявить особую концептуальную природу идеи народности, ее философско-эстетическое своеобразие. Так, сопоставление понятия народность с классическими эстетическими категориями («трагическое», «возвышенное», «комическое» и др.) показывает, что оно не столь универсально, как последнее, так как выражает специфику того типа эстетического сознания, который формировался главным образом на протяжении двух последних столетий.

Авторская концепция построена таким образом, чтобы проследить историческую эволюцию идеи народности искусства и, в то же время, раскрыть теоретический объем понятия «народность», показать специфику его преломления в европейской и русской культуре.

Структура книги вполне логична: от анализа генезиса идеи народности в рамках романтической традиции (главы 1 и 2) автор переходит к проблемному изложению темы народности на материале русской эстетической мысли (главы 3 и 4).

Пятая и шестая главы посвящены соответственно отечественной эстетике XX века (особенно пореволюционного периода), а также анализу актуальных проблем современной эстетики, в концентрированной форме выраженных в рассматриваемой проблеме народности искусства.

Большую часть книги составляет разнообразный материал, характеризующий русскую эстетическую мысль. Автор демонстрирует глубокое, аутентичное понимание русской эстетики народности, с полным основанием утверждая, что раскрытие проблемы народности искусства является своего рода квинтэссенцией отечественной философско-эстетической мысли.

Теоретическая ценность книги заключается, на наш взгляд, прежде всего в том, что ее автору удалось построить сжатую и в то же время целостную, единую историю русской эстетики под углом зрения народности.

Единство русской эстетики народности относительно и вместе с тем конкретно. Оно характеризует одновременно как преемственность, так и изменчивость русской мысли, обозначает уровни развития, специфику отечественного эстетического сознания на различных этапах его исторического существования, от Н. М. Карамзина до наших дней.

Особенно важными представляются положения и выводы книги, которые показывают понимание русской эстетики народности не как прошедшего, а как продолжающегося, ныне существующего феномена духовной культуры. Большой интерес представляет также рассмотрение автором различных проявлений «новой народной культуры» в нашей стране и за рубежом в 50–70-е гг. XX века: авторская (диалоговая) песня, фольклор, французский шансон, русская деревенская проза, самодеятельное искусство и др.

Вопреки распространенному мнению о «непохожести» русско-советской эстетики народности автор книги Т. В. Кузнецова приводит интересные аргументы, свидетельствующие о том, что и в России, и на Западе вызревали аналогичные протестные проявления (хотя и выраженные своеобразно), направленные против антигуманистических тенденций техногенной цивилизации с ее культом «стандартизированного индустриального потребления». В то же время автор проводит тонкие и остроумные разграничения между эстетикой народности, являющейся антитезой и репрессивной культуре, и эстетикой псевдонародности («попсы» и омассовленного искусства), воплощающей субкультуру «фэнов» с ее «сувенирным фетишизмом». С одной стороны – то, что названо «импровизационной стихией коллективного самовыражения, отождествляющее себя с народной позицией». С другой стороны – общее понижение уровня эстетической культуры, цинизм и антиэстетизм.

Интересны и актуальны положения книги, раскрывающие «антипостмодернистский» потенциал эстетики народ-

ности. Автор показывает, что постмодернистское «разрушение эстетики» начинается там, где перестают восприниматься и действовать ценности и ориентиры именно народного искусства.

В исследовании народности искусства как актуальной проблемы эстетической мысли автор книги получил новые, эвристически ценные результаты. Совокупность выводов и положений, обоснованных в книге Т. В. Кузнецовой, с полным основанием можно квалифицировать как решение крупной научной проблемы, имеющей важное социокультурное значение.

В книге подробно и основательно освещены познавательные, ценностные, нравственные и собственно эстетические функции понятия народности искусства, исследованы различные формы и жанры народного искусства, проанализированы разнообразные варианты эстетики народности на обширном русском и европейском материале эстетической мысли.